

ТЕАТР

УДК 94(47).084.3

**Иван Васильевич Экскузович —
архитектор и театральный деятель***П. Н. Гордеев*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Для цитирования: Гордеев, Пётр. «Иван Васильевич Экскузович — архитектор и театральный деятель». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение* 14, по. 1 (2024): 34–59. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2024.103>

В статье впервые дан биографический очерк крупного театрального деятеля и петербургского архитектора И. В. Экскузовича. Окончив в юности Институт гражданских инженеров, он построил несколько зданий в столице Российской империи, но главным делом жизни стало управление академическими театрами Ленинграда и Москвы. Впервые установлено существование «кружка Экскузовича» в 1917 г., в который входили также В. Э. Мейерхольд, дирижер Н. А. Малько и ряд артистов Мариинского театра. Показана роль кружка в выдвижении Экскузовича в конце 1917 г. на пост руководителя театрального ведомства. В статье обобщается обширный материал, связанный с его административной деятельностью в театрах: рассмотрены роль Экскузовича в создании ассоциации академических театров, служебная и личная переписка с артистами и наркомом просвещения А. В. Луначарским. На основании отзывов мемуаристов, частной переписки артистов и целого ряда юбилейных адресов делается вывод о значительной популярности Экскузовича в артистической среде. Подчеркивается, что его отставка в 1928 г. произошла вопреки воле Луначарского, потерявшего к концу 1920-х годов реальную власть в Наркомпросе. Прослеживается и деятельность Экскузовича как теоретика и практика механизации театральной сцены, а также одного из ведущих инженеров паркового хозяйства Ленинграда 1930-х годов. Рассмотрены изданная в 1930 г. монография Экскузовича «Театральная сцена в прошлом и настоящем», его работа над продолжением этого исследования, а также деятельность по оборудованию сцен советских театров, включая работу над театральной частью Дворца Советов. Статья основана преимущественно на архивных данных: использованы материалы 13 архивов и рукописных отделов музеев и библиотек.

Ключевые слова: И. В. Экскузович, А. В. Луначарский, В. Э. Мейерхольд, советский театр, русский театр, архитектура Петербурга, Дворец Советов.

«Экскузович никогда не был лакеем большевиков, это светлая, обаятельная, умная личность, пока он был во главе, театры не разграбили и они иметь могли хоть на $\frac{3}{4}$ свою физиономию и сохраняли свой состав» — писал 15 марта 1930 г. актер Е. П. Студенцов эмигрировавшему в Югославию режиссеру Ю. Л. Ракитину, с которым они ранее вместе служили в императорском Александринском театре [1, с. 307]. «Красивый, волевой и инициативный человек с хорошими ораторскими способностями», — вторил этой оценке И. В. Экскузовича оперный артист С. Ю. Левик; «к нему прислушивались, с ним советовались, его в нужную минуту искали» [2, с. 145]. Другой певец, В. Ф. Беспалов, писал о том же: «...человек энергичный, великолепно разбирающийся в любой театральной обстановке, отличный оратор» [3, с. 81]. В этом же духе — отзывы режиссера Н. Н. Боголюбова: «...образованный человек с очень острым умом. <...> Директором он был хорошим» [4, с. 203], — и артиста балета Н. А. Соляникова: «...талантливый, инициативный, многосторонне образованный человек» [1, л. 249]. «Необычайную работоспособность его, сообразительность, теоретические знания» отмечал сам нарком просвещения А. В. Луначарский [II, л. 7 об.]. Эти слова были сказаны о человеке, прожившем три мало связанных друг с другом жизни: петербургского архитектора эпохи модерна, затем руководителя академических театров в 1918–1928 гг. и, наконец, в 1930-е годы — разнопланового «специалиста», теоретика и практика проектирования театральных сцен. Заметная роль, сыгранная им в истории искусства (особенно театрального) контрастирует с «белым пятном» на месте научной биографии. Предлагаемая вниманию читателя статья является первой попыткой биографического очерка, созданного с опорой на рассеянное по архивам и музеям двух российских столичных городов документальное наследие Экскузовича.

Иван Васильевич Экскузович (рис.) родился 27 января 1882 г. в деревне Ивановке Александрийского уезда Херсонской губернии в семье землевладельца того же уезда отставного поручика Василия Ивановича Экскузовича (уже довольно пожилого отца, родившегося около 1823 г.) и его жены Агафьи Петровны и был на следующий день крещен в Сретенской церкви села Субботцы [III, л. 3–4; IV, л. 1]. Род Экскузовичей (бывший, по некоторым данным, сербского происхождения — впрочем, укоренившееся в театральных кругах мнение, что Экскузович «серб по национальности» [V, л. 34; 2, с. 145], в любом случае не вполне корректно) давно укоренился на землях Новороссии. Корнет Иван Михайлович Экскузович (вероятно, отец Василия Ивановича) еще в 1824 г. был внесен в родословную книгу Херсонского дворянского собрания (предъявив грамоту о дворянстве своего деда, секунд-майора А. Экскузовича, выданную Екатеринославским дворянским собранием в 1791 г.) [VI, л. 87 об.].

Рис. И. В. Экскузович. Фото сделано не позднее 1927 г. ГИК 16599/32. Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства, Санкт-Петербург

Будущий архитектор и театральный администратор в 1892–1901 гг. учился в Елисаветградском земском реальном училище, в котором окончил полный курс (с дополнительным классом), впрочем, без особого блеска — с «четверками» по Закону Божьему, естествоведению и рисованию и «тройками» по остальным предметам [III, л. 5–6]. С пятого класса училища, после смерти отца, Эскузович был вынужден зарабатывать себе на жизнь [VII, л. 1].

Именно в эти годы у юного «реалиста» зародился интерес к сцене: театральная жизнь Елисаветграда была насыщенной, с начала 1880-х гг. там возникла и давала представления первая украинская профессиональная труппа под руководством М. Л. Кропивницкого [5]. В составленном в 1927 г. кратком обзоре деятельности Эскузовича указывалось, что еще в 1899 г. Иван начал «свою театральную работу» (как «администратор, актер и декоратор») в «Кружке украинского рабочего театра» имени композитора Н. В. Лысенко на железнодорожной станции Знаменка (в четырех десятках верст от Елисаветграда), одновременно выступая в качестве актера в труппе В. В. Несмельского в самом Елисаветграде [II, л. 3].

В 1902 г. Иван был принят на первый курс петербургского Института гражданских инженеров, учеба в котором изменила жизнь провинциального юноши. Годы студенчества шли весело: к примеру, в марте 1904 г. Эскузович вызывался земским начальником 6-го участка Александровского уезда для разбирательства по обвинению по 38-й статье Устава о наказаниях (не явился и с приговором был ознакомлен заочно) [VIII, л. 2, 14 об., 15 об.]. Статья эта, впрочем, предусматривала небольшие санкции (кратковременный арест или денежный штраф), присуждаемые «за ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство в публичных местах, и вообще за нарушение общественной тишины» [IX, с. 125]. Годом ранее, 23 мая 1903 г., он обвенчался в церкви Михаила Архангела в Малой Коломне с молодой уроженкой Киевской губернии Леонидой Николаевной Балановской, впоследствии известной певицей [X, л. 303 об.]. В эти годы Эскузович не порывает связь с театром, отдавая дань последнему во время летних каникул у станции Знаменка и в Полтаве [II, л. 3]. Бурная молодость, пришедшаяся к тому же на период общественного подъема начала 1900-х годов и первой российской революции, сказывалась на успеваемости (к примеру, студенческий отчет Ивана Васильевича о «летних практических работах» за 1904 г. получил неудовлетворительную оценку), но Эскузович смог взять себя в руки и в 1909 г. окончил обучение в институте по 1-му разряду, получив диплом гражданского инженера [VIII, л. 19, 22]. Его дипломный проект на тему «Гостиница с концертным залом» был отнесен рецензентом к числу «наиболее законченных и интересных» [6, с. 170].

1 января 1911 г. молодой специалист поступил на службу в Общество Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, где трудился (сначала временным помощником архитектора службы пути, затем вторым помощником начальника 1-го участка пути) до 9 октября 1913 г., когда был уволен по собственному желанию (перейдя в штат Института гражданских инженеров). Два года, проведенные на этой работе, дали Эскузовичу немалый технический опыт (при этом, однако, правление Общества настаивало, чтобы Эскузович закончил «все посторонние строительные работы... и никаких новых на себя не будет брать»). С 20 марта 1914 г. он был вновь зачислен на службу Общества архитектором, но уже без жалованья, по-видимому, на сдельных, более свободных условиях [XI, л. 2, 10, 19–20]. В эти годы Эскузо-

вич занимался и различной общественной работой. Так, с начала 1912 г. он состоял «почетным старшиной» детского приюта в деревне Горная Шальдиха Шлиссельбургского уезда, 25 марта 1912 г. получил свой первый орден (Св. Станислава 3-й степени) как один из «наиболее потрудившихся» по организации Царскосельской юбилейной выставки 1911 г., в 1910–1913 гг. преподавал архитектурное черчение, рисование и проектирование на политехнических курсах Общества народных университетов. 1 октября 1913 г. Экскузович вернулся в alma mater уже в должности младшего помощника инспектора, которую занимал вплоть до революции (будучи также секретарем по студенческим делам) [7, с. 143; 8, с. 503; XII, л. 1–2, 8 об., 12, 14, 18]. Он пробовал свои силы и как художник, оформив, в духе графики О. Бёрдсли, обложку к книге известного музыковеда Н. Ф. Финдейзена о Павловском вокзале (изданной Обществом Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги) [9].

В 1910-х годах Экскузович начал работу в качестве зодчего. Он надстроил и перестроил в духе неоклассицизма доходный дом А. П. Волковой (П. П. Волкова) на Офицерской ул., 31 (получившееся довольно массивным здание сохранилось до нашего времени). Более интересен построенный им же дом для Акционерного общества конторских складов на Черниговской ул., 9 (также сохранился, современный адрес: Черниговская ул., 13), в облике которого сочетаются черты раннего петербургского модерна («суровая» трактовка лишённого симметрии фасада, различные типы окон) и ретроспективизма (путти, гирлянды и др.). Первоначальный проект этого здания, отличающийся от итогового, был на один этаж выше и отличался большим тяготением к брутальным формам северного модерна [10, с. 347; XI, л. 7; XIII, л. 138–143]. Ещё одной работой молодого архитектора стал спроектированный им в 1913 г. комплекс хозяйственных построек для особняка А. А. Половцова на Каменном острове (включавший в себя двухэтажное служебное здание, каменную конюшню и оранжерею) [11, с. 53]. В 1914 г. совместно с более опытным коллегой, гражданским инженером М. В. Красовским, Экскузович возвел здание Шереметевского пассажа на Литейном пр., 53 (дошло до наших дней в частично перестроенном виде) [12, с. 113; XIV, л. 3]. Экскузович принимал участие в строительстве дома Правления Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, возведенному в 1911–1912 гг. напротив Александринского театра (указание в составленном посмертно списке работ Экскузовича этого здания как построенного по его проекту [XIV, л. 3] является преувеличением: дом был возведен по проекту архитектора Общества А. А. Гречанникова, «в помощь» которому на службу в Общество и был приглашен молодой выпускник Института гражданских инженеров) [XI, л. 6; XV, л. 106–129]. Для Царскосельской юбилейной выставки 1911 г. Экскузович возвел павильон Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги в стиле ампира, признанный, «по отзывам авторитетных художников-строителей, бесспорно наилучшим среди прочих больших павильонов на Выставке» [13, с. 191–2]. Пожалуй, самая яркая работа Экскузовича была возведена за пределами Петербурга, в поселке Тайцы: купол построенной в 1914–1916 гг. церкви Св. Алексия, митрополита Московского (храм был возведен в память о рождении наследника, цесаревича Алексея), напоминающий древнерусский шлем, и поныне возвышается над дорогой, ведущей из Красного Села в Гатчину [14, с. 196–7].

Брак Экскузовича с Л. Н. Балановской к концу 1900-х годов превратился в формальность. Супруги проживали раздельно: Леонида Николаевна в 1908 г. пере-

ехала в Москву и с 1910 г. выступала как певица в Большом театре; жизнь Ивана Васильевича была тесно связана с имперской столицей. У Балановской появился любовник, штабс-ротмистр М. И. Кринский (последний во время бракоразводного дела в апреле 1912 г. признался, что состоит в связи с певицей уже около пяти лет). 4 июля 1911 г. Экскузович подал в Санкт-Петербургскую духовную консисторию заявление о расторжении брака, в 1912 г. был проведен опрос вызванных им четырех свидетелей прелюбодеяния, с показаниями которых согласились Кринский и сама Балановская. Как и многие подобные дела, дело о разводе шло медленно; оно ускорилось после телеграммы неверной супруги обер-прокурору Синода В. К. Саблеру от 18 июня 1913 г., в которой Балановская, взывая к «бесконечной доброте и гуманной отзывчивости» чиновника, просила об оформлении развода как можно быстрее. 22 июня 1913 г. их брак был расторгнут Синодом с разрешением бывшим супругам повторно вступать в брак (Эксузовичу — без дополнительных условий, Балановской — после выполнения ею церковной епитимии) [XVI, л. 2–7; XVII, л. 25, 43 — 43 об.].

Спустя год, 29 июня 1914 г., Экскузович обвенчался в Троице-Измайловском соборе с артисткой оперной труппы Мариинского театра Марией Владимировной Коваленко (в числе поручителей на бракосочетании присутствовали гражданский инженер М. В. Красовский и брат жениха Л. В. Экскузович) [XVIII, л. 619 об. 620]. Жена-певица дополнительно способствовала сближению Экскузовича с петербургским театральным миром. Среди его бумаг в петербургском Театральном музее сохранился адрес, поднесенный ему 10 ноября 1914 г. 35 артистами Александринского и Мариинского театров с благодарностью за «трогательное участие» в устройстве лазарета «имени артистов императорских петроградских театров» («Вы не только безвозмездно выполнили ремонт квартиры для лазарета, но покрыли часть расходов по этому ремонту из Ваших средств») [XIX, л. 1]. С одной из подписавших адрес, знаменитой актрисой М. Г. Савиной, у Экскузовича завязалась переписка. 12 апреля 1915 г. Савина писала ему о том, как ей было неприятно, «когда В. Г. Вальтер, не предупредив никого, стал читать наш адрес и передал его Вам без обложки». Савина, «хворавшая» всю зиму, тем не менее помнила об этом эпизоде и теперь посылала Экскузовичу бювар для адреса — с тем, чтобы заглазить перед ним «невольную вину». Экскузович ответил на следующий же день, поблагодарив актрису за внимание, бювар и присланный вместе с ним портрет («Обожая искусство и его великих сподвижников, считаю для себя большой честью иметь портрет Марии Гавриловны Савиной — это моя гордость») [XX, л. 1–2; XXI, л. 2].

К началу театрального сезона 1916–1917 гг. (согласно подготовленной уже в советское время справке о деятельности Экскузовича) или же в начале 1917 г. (эту дату указал сам Экскузович в своей заметке-рецензии на статью С. С. Мокульского, написанной в начале 1930-х годов) по инициативе Экскузовича был организован «кружок» оперных артистов, «привлекший к себе многих представителей театрального мира». В кружке «шла самообразовательная работа. Читались лекции по истории искусств, костюма, пластики и т. д.». «Кружок Экскузовича» приобрел особенное значение в конце 1917 г., в период противостояния наркома по просвещению А. В. Луначарского (и стоявшего за ним советского правительства) с не признававшими его полномочий артистами и служащими государственных театров. Именно оттуда исходила инициатива назначения Экскузовича на место главно-

уполномоченного по государственным театрам Ф. Д. Батюшкова, бойкотировавшего большевистских ставленников [XXII, л. 39 об.; XXIII, л. 1; XXIV, л. 653]. Одиннадцать лет спустя, в 1928 г., уходя с должности управляющего ленинградскими академическими театрами, Экскузович писал другому бывшему члену «кружка», В. Э. Мейерхольду: «Не сердись, если я не выполнил каких-либо ожиданий нашего кружка 17 года, выдвинувшего тогда меня на эту работу» [XXV, л. 3].

В свою очередь, еще один член «кружка Экскузовича», служивший в Мариинском театре дирижер Н. А. Малько, оставил в своей переписке несколько интересных свидетельств о том времени. 11 декабря 1917 г. в письме жившему в Одессе отцу музыкант, внезапно открывший в себе на фоне крушения Российского государства украинское национальное сознание, делился планами переезда из Петрограда в Одессу и постройки дома на принадлежавшем отцу участке: «Строить будет гражд[анский] инж[енер] Ив. Вас. Экскузович, муж певицы Коваленко. Его я хорошо знаю. Они переезжают совсем в Одессу, он, может быть, будет там еще в декабре». Малько советовал отцу подумать о планах строительства большого дома на несколько квартир или двух домов сразу, прибавляя, что «Ив. Вас., имевший в Петерб[урге] громадную практику, расположенный ко мне, поможет тут советом» [XXVI, л. 1 — 1 об.]. В отношении «громадной» практики Малько, пожалуй, преувеличивал, но упоминаемое в письме намерение Экскузовича вместе с женой покинуть Петроград не было придумано автором письма. Однако когда тот же Малько в письме отцу от 25 декабря продолжал развивать идею строительства дома («Жду от тебя, папа, ответа относительно дома в Одессе. Экскузович человек инициативы, здесь в Питере имел громадную практику, он очень хорошо ко мне относится и тебя вряд ли надует» [XXVII, л. 5]), он поневоле вводил в заблуждение своего родителя. К этому времени Экскузович уже не мог поехать в Одессу, так как перед ним забрезжили совсем иные горизонты (впрочем, от идеи переезда вместе с женой из Советской России в «Украинскую державу» он еще окончательно не отказался, раздумывая над этим и в 1918 г. [XXVIII, л. 12; XXIX, л. 14]).

В составленных в начале 1930-х годов замечаниях на статью Мокульского о петроградских театрах в 1917 г. Экскузович описал, говоря о себе в третьем лице, историю своего назначения: «18/XII — Экскузович был вызван А. В. Луначарским для предварительных переговоров, и 20/XII — уже был назначен Заведующим отделом Госуд[арственных] театров с предоставлением некоторого времени для сдачи дел по старым службам» [XXIII, л. 1]. В личном деле Экскузовича сохранилось выданное Луначарским удостоверение (в 1926 г., но описывающее события 1917 г.) с несколько иной датой назначения заведующим петроградскими государственными театрами (23 декабря) и также с предоставлением ему месяца на сдачу дел в Институте гражданских инженеров и принятие дел по театральному ведомству [IV, л. 21]. Настоящая причина месячной отсрочки, думается, была в другом. В конце декабря 1917 г. Луначарский решил силой подавить сопротивление Батюшкова и его сторонников; нарком понимал, что непосредственный исполнитель этой операции вызовет глубокую неприязнь в артистической среде. По всей видимости, Экскузович не захотел выполнять «черновую работу» (или же сам Луначарский, предполагая с ним в будущем продолжительное сотрудничество, решил уберечь его от подобной роли). «Правительственным комиссаром» был назначен молодой левый эсер В. В. Бакрылов, человек, также не лишенный

духовных запросов (впоследствии он увлекся собиранием фольклора, издал сводный вариант текста народной драмы «Царь Максимилиан»), согласившийся про- извести захват здания Управления государственными театрами. Совершив это (во главе отряда красногвардейцев) 2 января 1918 г., в течение нескольких сле- дующих недель Бакрылов более-менее установил большевистский контроль над возмущенными театрами, не останавливаясь перед массовыми увольнениями не- довольных чиновников и артистов [15, с. 33]. После того как «мавр сделал свое дело», Луначарский выставил из тени новую фигуру — гражданского инженера Экскузовича, которого пока связывало с бывшей императорской сценой лишь то, что он «муж певицы Коваленко».

18 февраля¹ Экскузович вступил в заведование подотделом государственных театров [XXX, л. 2] (весной 1918 г. он назывался также Петроградским отделом го- сударственных театров [XXXI, л. 3 об.], подотделом петроградских государствен- ных театров [XXXII, л. 65]) Наркомпроса. Ранее он не имел дело с театральным управлением, которое неприятно удивило выходца из инженерной среды своей расхлябанностью. 19 июля 1918 г. не желавший с этим мириться Экскузович разо- слал свое обращение, написанное в не вполне официальном тоне, во все советы и местные комитеты государственных театров. «Считаю долгом указать, — писал заведующий театрами своим подчиненным — что в жизни Государственных теа- тров, полной каждодневной ответственности перед Государством и искусством, воцарилась полная беспечность и отклонение от себя ответственности под раз- ными предложениями лицами, кои обязаны таковую ответственность на себе нести. Постоянное указание на то, что “мною было отправлено донесение, а он мне не ответил”, и потому дело не начинается в продолжении месяца, не может служить оправданием ни для кого. Тот, кто хочет сохранить знаменитые русские театры, не может ждать ответов и заниматься канцелярщиной, а должен лично мне сообщить и настоять немедленно на необходимом ответе, иначе таинственный “он” погубит все дело». Экскузович призывал всех служащих быть «максимально энергичными в служебных требованиях друг к другу»: «Отписки, письменные заявления и прочая канцелярская волокита не могут применяться в деле, требующем каждодневно- го парада и величайшей интенсивности. <...> Побольше бодрости, энергии и люб- ви к искусству. На всех нас лежит весьма тяжелая ответственность пронести театры в неприкосновенности через бушующее море нашей действительности». Обраще- ние Экскузовича отличалось от многочисленных «воззваний» о необходимости спасти театры, принимавшихся в немалом количестве в 1917–1918 гг., присутство- вавшей в нем твердой, «хозяйской» нотой (которую трудно было представить вы- шедшей из под пера его предшественника по должности, интеллигентного и мяг- кого Батюшкова, управлявшего театрами при Временном правительстве): «Каждый из нас, кто взялся работать, обязан работу эту производить максимально, в про- тивном случае уступить место более сильному» [XXXIII, л. 39–40].

Более или менее случайный для сценического мира человек, Экскузович за- держался в театральном ведомстве надолго. Государственными (с 1919 г. — ака- демическими) театрами Петрограда/Ленинграда Экскузович руководил с 1918 по 1928 г. (весной 1918 г. Экскузович принимал участие и в управлении московски-

¹ Здесь и далее даты после 1 (14) февраля 1918 г. приводятся по новому стилю.

ми государственными театрами [XXXIV, л. 33–37], в 1919 г. он на некоторое время назначался уполномоченным по «всем театрам Республики» и заведующим делами всех шести академических театров). В 1919 г. он вошел в состав Коллегии ТЕО Наркомпроса, в 1920–1922 гг. также состоял заведующим художественным отделом Главнауки, в 1920–1921 гг. — уполномоченным Народного комиссариата путей сообщения по ленинградским заводам этого наркомата [XIV, л. 2; XXXV, л. 7 об. — 8; XXXVI, л. 2, 5–10; XXXVII, л. 35]. 19 марта 1924 г. руководство Наркомпроса, довольное деятельностью Экскузовича в Северной столице и намеревавшееся «подтянуть» и московские театры, назначило его управляющим всеми академическими театрами Москвы и Ленинграда и одновременно директором ленинградских академических театров. С того же 1924 г. Экскузович входил в состав Государственного ученого совета [IV, л. 12; XXXV, л. 8 об. — 9]. За эти годы ему, архитектору и преподавателю строительных дисциплин, пришлось соприкоснуться с самыми разными сторонами театральной жизни.

В уже упоминавшихся заметках на статью Мокульского, написанных спустя полтора десятилетия после революции, Экскузович так оценивал положение петроградских государственных театров к началу 1918 г.: центрального управления «не существовало», огромное хозяйство «оказалось без всякого управления и учета, особенно необходимого при царящем в самих театрах организационном и художественном хаосе». В Мариинском театре «состояние самого художественного организма приближало театр к полному развалу», а «наличный состав оставшихся на работе солистов, хора и оркестра был в состоянии давать оперы только типа “Севильского цирюльника”, затрудняясь уже поднять “Риголетто”». В здании Михайловского театра, который остался «после отъезда Французской труппы просто закрытым, срочно предстояло организовать новый театр». «Особенно трудная» ситуация сложилась в Александринском театре, наполненном «политическими и тактическими противоречиями с дезорганизованной и расстроенной труппой, недосчитывающей целых амплуа». Любому руководителю театрального ведомства предстояло в этих условиях проделать колоссальную работу, которая включала в себя не только кадровые и хозяйственные (сложнейшие в условиях невиданного краха экономики) вопросы. Одну из «главнейших установок» своей деятельности в области руководства казенной сценой в первые послереволюционные годы Экскузович *post factum* сформулировал так: «Неустанная и постоянная борьба по защите Гостеатров от левацких загибов и сохранению организационной независимости, при нескончаемых наступлениях со стороны: а) Пролеткульта. б) ТЕО Наркомпроса. в) П. Т. О.² (Отдел Театров и Зрелищ); г) Главполитпросвета» [XXIII, л. 1–3].

Заявляя о себе как о человеке, отстаивавшем театры от разнообразных покушений, Экскузович не хвастался — артисты и в самом деле были ему благодарны. Назначенный при не самых благоприятных обстоятельствах, он скоро сделался популярным руководителем. Спустя всего лишь четыре месяца после начала его работы, 11 июня 1918 г., Временный комитет Александринского и Михайловского театров постановил благодарить наркома Луначарского за назначение заведующим подотделом государственных театров Экскузовича, «деятельность которо-

---

² Петроградский театральный отдел.

го за половину истекшего сезона по отношению к нам была столь прекрасна, что Временный Комитет в настоящем заседании своим благодарил Ивана Васильевича, вотировал ему свое доверие и спокойно ожидает проведения в Москве как художественной программы, личного состава, так и бюджета нашего при солидной поддержке» Экскузовича и самого Луначарского [XXXVIII, л. 1]. На следующий день, 12 июня 1918 г., Совет государственной оперы (Мариинского театра) благодарил в самых лестных выражениях самого Экскузовича («В течение нескольких месяцев совместной с Вами работы Совет имел полную возможность убедиться, что Вы не только любите и всей душой преданы нашему делу, но что Вы хорошо знаете театр и прекрасно умеете направить и организовать все подробности этого сложного учреждения»), выражая ему «те чувства симпатии и уважения, которые возникли в нас после частых сношений с Вами по вопросам оперного дела» [XXII, л. 1 — 1 об.]. 14 июня того же года комитет балетной труппы постановил ходатайствовать перед Луначарским о назначении Экскузовича заведующим государственными театрами (видимо, его работа на посту заведующего подотделом воспринималась частью артистов как временная, случайная) [XXXV, л. 1].

Экскузович обрел сторонников не только среди артистов. К первой годовщине его руководства театрами, 18 февраля 1920 г. ему поднесли адрес представители технического персонала, в котором, вспоминая начало прошедшего года («Мы хорошо помним, в каком состоянии находились в то время наши театры, когда каждую минуту надо было ожидать, что они закроются сами собой, ввиду невозможности работать в создавшейся атмосфере»), они сравнивали его с теперешним положением: «Результаты мы видим: театры живут кипучей деятельностью, мы объединены, мы автономны, живем одной дружной семьей и уже есть возможность не только сохранять старое, но и продолжать творить новое в области искусства» [XXXIX, л. 1]. Спустя еще один год, 18 февраля 1919 г., к Экскузовичу обратились в стихотворной форме сотрудники аппарата управления театрами:

В годину смуты, бед, хаоса,
Когда могли театры пасть,
По предложению Наркомпроса
Над ними приняли Вы власть...
Кой-кто смотрел на это косо,
Вы были кой-кому бельмом
И даже два иль три запроса
О Вас вносились в Совнарком.

Но, несмотря на эти невзгоды,

Вы стойко шли к заветной цели,
Работу день и ночь творя
И коль театры уцелели,
То только Вам благодаря... <...>
Вы нам помочь сердечно рады,
При Вас спокойно мы живем,
Имея высшие оклады
И с полным фронтовым пайком [XXXIX, л. 2 — 2 об.].

В феврале 1921 г., спустя три года после прихода Эскузовича в театральное ведомство, посвященные ему шуточные стихи написал знаменитый химик Н. Н. Качалов — также близкий театрам человек, муж актрисы Е. И. Тиме и двоюродный брат А. А. Блока. И в них звучала тема грозившей государственным театрам гибели накануне прихода в них Эскузовича, после чего все наладилось.

С той поры рукою твердой
Иоанн Васильич Гордый
Вел корабль наш театральный
По волнам, к тиши зеркальной.
Позабыл архитектуру
И «Луизы» партитуру
Бойко с Купером читает,
Хоть кряхтит, а понимает [XL, л. 3].

К десятилетию работы Эскузовича в театрах, называвшихся уже академическими, еще одно стихотворение (стилизованное под лермонтовское «Бородино») написал поэт, переводчик и либреттист М. П. Гальперин.

Ну, были дни!.. Как дым летучий,
Над аками³ скоплялись тучи,
А он, садясь в купе,
Скорбел о скудности дотаций,
О горестях актерской нации,
О муках «децентрализаций» —
О гнусном ОХП⁴!

Живший в Москве Гальперин подчеркивал, что Эскузовичу удалось поднять и московские театры на значительную высоту:

У нас, хоть те же были Музы —
Не апельсины, а арбузы, —
Антракты — по два дня!!
А он, не тратя лишних литер,
Бюрократизм резинкой вытер
И в ординар привел свой Питер,
Москву-вдову дразня... [XLI, л. 2–3].

Конечно, юбилейные адреса и стихи, посвященные высокопоставленному администратору, являются сомнительным источником для его профессиональной характеристики. Однако многолетнее доверие к Эскузовичу со стороны руководства Наркомпроса и хвалебные отзывы о нем артистов в общем подтверждают оценку авторов поздравительных текстов. Эскузович сыграл важную роль в сохранении академических театров как особой корпорации, нуждавшейся в повышенном внимании и охране со стороны государства. В 1918 г. все активнее раздавались голоса, призывавшие к слиянию бывшей императорской сцены с многочисленными «коммунальными» театрами. В этом случае, писал оперный артист В. И. Касторский

³ Академическими театрами.

⁴ Отдел хозрасчетных предприятий Наркомпроса.

в своих неопубликованных мемуарах, «сотни тысяч костюмов, огромные склады декораций, огромные запасы разного имущества постигла бы та же участь, как имущество театров Народного дома, Музыкальной драмы и т. д. От всего этого не осталось бы следа. Придавая этому вопросу первостепенное значение, Экскузович решил зорко следить за назревающими событиями, составляя при этом план реальной контратаки» [XXIV, л. 655]. В ночь с 17 на 18 июля 1919 г. Экскузовичу стало известно, что на следующей день противники «обособленности» государственных театров готовят «решительное наступление». Упреждая их, 18 июля Экскузович и руководители пяти государственных театров, а также МХТ провели собрание, где объявили о создании ассоциации «академических» театров, обосновывая это их особой ролью в истории отечественного искусства. «Театр, как отрасль искусства, требует тех питомников, в которых создаются образцовые художественные ценности, разливающиеся затем по всей стране», говорилось в принятом 18 июля заявлении; «интересы русской культуры требуют ограждения этих театров ото всего, что может внести разлад и разрушение в их структуру или произвести распыление их накопленных художественных, духовных и материальных ценностей». Создание ассоциации академических театров (19 июля единогласно избравший Экскузовича своим представителем в Коллегии Центротeatра) было поддержано Луначарским [16; XXXVII, л. 3, 5]. Тем самым особый статус казенной сцены (с присоединением к бывшим императорским Художественного театра) был сохранен.

Обширная переписка Экскузовича с артистами театров и служащими Наркомпроса дает материал для характеристики его служебной деятельности. Как администратору, ему, конечно, постоянно приходилось иметь дело с самыми разнообразными просителями. Знаменитый актер В. Н. Давыдов просил присоединить к его казенной квартире еще одну комнату и сделать «посильный ремонт» [XLII, л. 1–2], танцовщик Н. Г. Легат требовал, ссылаясь на согласие Луначарского, назначить его балетмейстером Мариинского театра [XLIII, л. 7–8], композитор М. М. Ипполитов-Иванов в письме к Экскузовичу от 29 августа 1927 г. «рекомендовал вниманию» адресата певицу Е. В. Паронкину [XLIV, л. 1–2 об.], а уполномоченный народного комиссара путей сообщения по международным делам Д. Ф. Сверчков посылал Экскузовичу 1 апреля 1927 г. свою собственную пьесу на предмет постановки. Чтобы ускорить желаемое решение, старый большевик, а ныне советский чиновник-драматург прибавил: «Этой вещью (рассказом моим, из кот[орого] переделана пьеса) заинтересуетсЯ Анатолий Васильевич⁵. Совкино ставит по рассказу фильму» [XLV, л. 1]. Отметим, что и самому Экскузовичу приходилось выступать в роли неофициального просителя: 11 октября 1927 г. он обратился к композитору А. К. Глазуну, возглавлявшему Ленинградскую консерваторию, с «глубочайшей просьбой» помочь вдове архитектора А. М. Ольховской (вся ее семья, отмечалось в письме, «тесно связана с консерваторией»), которая «несчастлива и морально и материально» [XLVI, л. 1]. В данном случае управляющий госактеатрами проявил гражданское мужество: «несчастье» Ольховской было вызвано тем, что в мае того же 1927 г. ее дочь актриса Н. А. Ольховская-Ростова была арестована как участница эзотерического кружка «Братство истинного спасения», а в июле была осуждена на три года концлагерей и отправлена на Соловки [17, с. 470–4].

---

⁵ Луначарский.

Как руководитель Экскузович заключал договоры с артистами, служившими ранее, и приглашал новые артистические силы в академические театры («Сговоримся на условиях, кои Вам будут приемлемы», — писал он о службе в театрах 4 июля 1923 г. известной балерине О. А. Спесивцевой [XLVII, л. 1 — 1 об.]; новые ангажементы обсуждал в переписке с режиссером В. Э. Мейерхольдом и антрепренером Н. Н. Синельниковым [XXV, л. 1; XLVIII, л. 1]). С этой (в том числе) целью Экскузович был направлен в июле и августе 1925 г. в заграничную командировку (в Берлин и Париж). В отчете Наркомпросу Иван Васильевич отмечал, что ему удалось условиться с Шаляпиным, уехавшей к тому времени за рубеж Спесивцевой и дирижером А. К. Коутсом о выступлениях в России. Пообещали вернуться «к будущему сезону» художники А. Н. Бенуа и К. А. Коровин, начались переговоры о гастролях в СССР со знаменитой балериной А. П. Павловой, принципиальное согласие на работу на Родине дал и М. М. Фокин (впрочем, запрошенный им высокий гонорар не оправдывал, по мнению Экскузовича, эту сделку: «Балетмейстер Фокин ведет свою работу в духе старых приемов. <...> Мне думается, что Россию с ее нынешними требованиями к искусству он удивить уже не может»). Экскузович договорился об исполнении «Саломеи» Штрауса и «Любви к трем апельсинам» Прокофьева; последний также обещал написать музыку к балету, «сюжет которого мог бы быть прислан нами и был бы близок к требованиям нашей современности». Экскузович осмотрел и многочисленные технические новинки в устройстве зарубежных театров, вступил в переговоры с фирмой Швабе о покупке осветительных аппаратов для сцены. Доклад о командировке он завершил лестным для отечественного театра (и тем самым для себя как одного из его руководителей) выводом: «Резюмируя свои впечатления о театрах Берлина и Парижа, я должен сказать, что состояние художественной части в театрах России несравненно выше, чем за границей, по спаянности, силе ансамбля, звучности хоров и квалификации оперно-балетных артистов. Что же касается технической части, то в этом отношении первое место занимает Германия, где целый ряд достижений в области театральной техники весьма повышает общее впечатление» [XLIX, л. 1–8].

С некоторыми представителями артистического мира у главы театрального ведомства установились не только деловые, но и дружеские отношения. К этому кругу относился, среди прочих, Мейерхольд, с которым Экскузович был на «ты». Уже после ухода с поста управляющего театрами Экскузович писал режиссеру: «Моей давнишней мечте о твоей работе в Мар[иинском] театре не удалось, к сожалению, осуществиться при мне. Очень хотел с тобой повидаться, в последний твоей приезд в Л[енинград] два раза заходил в “Европ[ейскую]” и не заставал. Хотел с тобой поговорить в конце моей театральной работы в гост[инице], также как говорили в ее начале» [XXV, л. 3]. Экскузович вспоминал об обстоятельствах, в которых «кружок» выдвинул его на руководящую работу. Тогда, в конце 1917 г., Мейерхольд симпатизировал большевикам, а актер Ю. М. Юрьев занимал противоположную позицию, став одним из лидеров «саботажников», но впоследствии дружеские отношения Мейерхольда и Юрьева повлияли и на Экскузовича. 6 апреля 1927 г. он просил Мейерхольда «написать обещанную статью» в сборник, посвященный юбилею сценической деятельности Юрьева [XXV, л. 2], с которым также поддерживал неформальную переписку. В Санкт-Петербургской театральной библиотеке нами выявлена недатированная записка Экскузовича Юрьеву, тон и содержание которой

(«Прости за вчерашнее, но ты, конечно, можешь быть уверен, что если бы не чрезвычайные обстоятельства, от которых я зависел, такого свинства я бы не сделал» [Л, л. 1]) свидетельствует о том, что актер относился к «дружескому кругу» управляющего театрами.

Неформальные отношения с артистами переносились и в личную, интимную сферу. Брак с Коваленко, как некогда с Балановской, к началу 1920-х годов дал трещину; Экскузович полюбил другую женщину, которая, как и первые две жены, была оперной певицей. В бумагах Экскузовича сохранилось недатированное письмо Коваленко, в котором она писала: «Наш брак — это недоразумение обоюдное, должны теперь оба и расплачиваться за него! Ах, Ванюша, если бы ты знал, как я плачу! <...> Боже, сколько было пережито горя и как мало я дала тебе счастья! Но теперь это позднее сожаление, ты любишь другую и по-видимому счастлив. Если возможна на земле дружба, Ванюша, прошу тебя, будь мне другом!» Передавая это письмо с адвокатом, которому она поручила вести дело о разводе, Коваленко ни в чем не упрекала мужа (впрочем, она писала о том, что и сама планирует выйти замуж) и благодарила его «за всю ту любовь и заботу, которую я видела всю мою жизнь с тобой» [LI, л. 1 — 2 об.]. 23 ноября 1923 г. Экскузович и Коваленко развелись «по обоюдному согласию супругов» [LII, л. 32 — 32 об.]. 23 февраля 1924 г. в отделе ЗАГС Володарского района Ленинграда Экскузович зарегистрировал свой третий брак. Его супругой на этот раз (и уже до конца жизни) стала певица Розалия Григорьевна Горская (сценический псевдоним; настоящая фамилия — Файнберг), родившаяся в 1891 г. в Брацлаве Подольской губернии и с 1918 г. служившая в оперной труппе Мариинского театра. Год спустя, 31 марта 1925 г., Экскузович написал завещание, по которому в случае его смерти все имущество, включая обстановку квартиры № 13 в доме № 14 по Чернышеву переулку и дачу в с. Отрадное Шлиссельбургского уезда переходило в собственность Горской [LIII, л. 3; LIV, л. 1; LV, л. 1].

Руководство Наркомпроса высоко оценивало деятельность управляющего академическими театрами. К десятилетию революции А.В. Луначарский возбудил вопрос о присвоении Экскузовичу звания заслуженного деятеля искусства. 27 сентября 1927 г. Луначарский составил обращение в Совет народных комиссаров, в котором подчеркивал: «За эти 10 лет, работая главным образом по спасению и упорядочению ленинградских театров, И.В. Экскузович привел их в блестящее состояние, отмечавшееся в целом ряде корреспонденций зарубежных журналистов и в высоко похвальных отзывах о ленинградских академических театрах иностранцев-композиторов, оперы которых там ставились. <...> Назначенный три года тому назад ведать и московскими театрами, т. Экскузович много способствовал изжитию или значительнейшему сокращению имевшихся в них дефицитов без снижения художественных достижений этих театров. Будучи лучшим в России специалистом по театральному строительству, оборудованию сцены и постановочной технике, тов. Экскузович способствовал радикальным ремонтам и улучшениям как ленинградских театров, так и нашего Большого театра и, наконец, был чрезвычайно полезным деятелем по оборудованию рабочих сцен во вновь построенных Народных домах в Ленинграде». Чуть позже Луначарский отправил телефограмму председателю Совета народных комиссаров А.И. Рыкову, и, ссылаясь также на мнение председателя Ленинградского губисполкома Н.П. Комарова, поддержавшего присвоение Экскузовичу почетного звания, нарком просвещения просил о том

же и Рыкова, «несмотря на протест Рабиса, о специфическом характере которого я Вам сообщал» (ЦК профсоюзной организации работников искусств, Всерабиса, противодействовал награждению Экскузовича) [II, 2–4, 7–8, 11, 14–15]. Однако преодолеть недоброжелательность в отношении своего сотрудника Луначарскому, видимо, не удалось — ни в одном из просмотренных нами послужных списков Экскузовича РГАЛИ и ЦГАЛИ Санкт-Петербурга упоминаний о присвоении этого почетного звания нет.

22 декабря 1927 г. Луначарский писал Экскузовичу: «В течение десяти лет стоите Вы в качестве руководителя значительнейшей части театров РСФСР. <...> Не будучи партийным человеком, Вы с самого начала революции, буквально на другой день ее, когда столько лиц, которых я сейчас вижу в числе наших сотрудников, были еще яростными врагами или опасливо колебались, на чью сторону встать, пришли ко мне, предложив свои услуги для перевода театра старого мира на новые советские рельсы». Луначарский подчеркивал гражданское мужество, проявленное Экскузовичем: «Вам говорили со всех сторон, что Вы слишком многим рискуете, но это ни на минуту не остановило Вас. С тех пор Вам свойственны были те же черты в управлении театрами, которые я сам с согласия партии и Правительства старался проявить в своей деятельности: крайнюю заботливость, крайнюю осторожность в отношении этих хрупких и ценных культурных аппаратов и неуклонное направление их в сторону перерождения в театры истинно советские, реально социалистические. На этом пути Вы были для меня самым лучшим и желанным помощником». От имени Наркомпроса Луначарский высказывал Экскузовичу «глубокую благодарность» [LVI, л. 1 — 1 об.], будучи не в силах отблагодарить его чем-то более существенным.

В следующем году положение (как для Экскузовича, так и для самого наркома) изменилось в худшую сторону. 13 апреля 1928 г. в составе Наркомпроса был образован новый орган — Главискусство во главе со старым большевиком А. И. Свидерским, в руках которого сосредоточилось руководство театрами, кинематографом, музыкальной и художественной жизнью. Служебная переписка Свидерского с Луначарским (формально — подчиненного с начальником) показывает, что нарком побаивался начальника Главискусства, за которым, по-видимому, стояли высокие покровители в партии. Это проявлялось даже в деталях: если Свидерский сухо адресовал те или иные записки «А. В. Луначарскому», последний вежливо обращался к «дорогому Алексею Ивановичу», запрашивал его мнение по разным вопросам и, получив отзыв Свидерского, свои мнения формулировал в тех же словах [XXXVIII, л. 2, 23–24, 29, 88–91]. Свидерский начал по-своему «наводить порядок» в театральном ведомстве, в частности чуть не закрыв в 1928 г. Театр им. Мейерхольда (лишь широкая поддержка театра в артистической среде и возвращение режиссера из-за границы позволили сохранить театр) [18]. Удар по Мейерхольду и определенный «подкоп» под Луначарского не могли не сказаться на Экскузовиче — человеке, поддерживавшем хорошие отношения и с именитым режиссером, и с наркомом.

Вскоре после назначения Свидерского начальником Главискусства 20 июня 1928 г. Экскузович подал ему прошение о двухмесячном отпуске «для лечения совершенно расшатанного здоровья» [IV, л. 24–25]. Отпуск дали с 15 июля по 15 сентября [XXXV, л. 4], причем к его завершению судьба управляющего академическими театрами была все еще не решена. 10 сентября он писал Луначарскому:

«Обстоятельства сложились так, что оставаться мне при нынешнем составе Гла-вискусства и ЦК Рабиса на ответственных постах не представляется возможным. В Л[енинградски]х организациях перед моим отъездом за границу были настоя-чивые разговоры, что в случае моего желания уйти от должности управляющего, настаивать на моем оставлении в должности технического директора. В мое от-сутствие демагогия развилась до высочайших пределов. Дошли до того, что меня обвиняли в неподготовке сезона. Вы меня знаете 11 лет, как Вы думаете, смог бы я уехать, не подготовив в мельчайших деталях сезона. <...> За мое отсутствие Сви-дерского вооружили против меня до зубов различной ложью, и потому я не знаю, как с ним говорить». Экскузович просил Луначарского обсудить со Свицерским, не может ли он остаться на службе как специалист (в качестве уполномоченного Гла-вискусства по Ленинграду или консультанта по вопросам театральной техники), прибавляя: «Для меня всякая работа приемлема, кроме должности управляюще-го, так как в последней беспартийному работать не дадут». Вероятно, отсутствие партийного билета, а также близость к наркому и были причинами, заставившими Свицерского добиваться увольнения Экскузовича. 12 сентября Экскузович еще раз писал Луначарскому, убеждая того согласиться на перевод его на другую работу: «Поверьте мне, что дальнейшее мое пребывание на месте управляющего может за-кончиться Соловками, так как я сделать в такой атмосфере ничего не смогу» [XXII, л. 2 — 7 об.].

17 сентября 1928 г. «согласно личной просьбы» Экскузович был освобожден от исполнения служебных обязанностей директора ленинградских театров и управ-ляющего академическими театрами [IV, л. 28]. На этом его служба в театральном ведомстве завершилась, так как остаться на технической должности не удалось. После отставки Экскузович писал Мейерхольду: «Я ушел, так как со Свицерским работать не мог, как и не смогу, пока он будет у власти. Хотел было работать по тех-нике, но Свицерский этого не хотел» [XXV, л. 3 — 3 об.]. Человеку, управлявшему более десяти лет лучшими театрами Советской России, удалось 26 октября 1928 г. устроиться лишь на скромную должность инженера планово-экономического под-отдела Ленинградского городского отдела коммунального хозяйства [XXXV, л. 9]. Луначарский, чувствовавший вину перед своим старым и доверенным сотрудни-ком, писал ему 9 февраля 1929 г.: «Мне чрезвычайно тяжело сознание, дорогой Иван Васильевич, что я до сих пор еще не смог сделать ничего, чтобы использовать Ваши исключительные силы и знания на достаточном для Вас посту. Не думайте, однако, чтобы я забыл об этом. Я считаю это моим долгом и, так сказать, условием моего самоуважения. Я не могу допустить, чтобы при том положении, которое я за-нимаю в государстве, я оказался бы бессильным для исправления такой злостной и вредной ошибки, какая сделана по отношению к Вам». В свою очередь, Экскузо-вич, не переставая думать о театрах и своем вынужденном уходе из них, отвечал Луначарскому 13 февраля 1929 г.: «Это, может быть, и неплохо для учреждения, что я ушел, так как будучи, как беспартийный, оторванным от всех низовых партийных организаций, имеющих большой вес, и не смог бы дальше руководить учреждени-ем по передаваемым через голову директивам. <...> Меня убивает не доброволь-ная потеря чинов, которые меня никогда не интересовали, а невольная изоляция от дела (даже в маленьких чинах), которому я отдал столько лет жизни и труда. Вот этих поступков со мной я не могу постичь, так как я их не заслужил, ни своей рабо-

той, ни своим отношением к советской власти. Меня не только изолировали, но, не оставляя в покое, травят, где и как можно» [XXII, л. 35 об. — 36].

Тяжелые мысли о незаслуженной отставке Экскузович отгонял, погружаясь в труд, все более и более занимавший его в конце 1920-х годов. Как зодчий по профессии и человек, в течение многих лет связанный с театрами, он решил обобщить свои наблюдения о технике театральной сцены в специальном исследовании. Уже в сентябре 1928 г. книга под рабочим названием «Новейшая техника сцены» была принята к печати ленинградским Госиздатом [XXII, л. 4 об.]. В процессе работы над текстом Экскузович обращался к крупнейшим режиссерам с просьбой поделиться с ним своими мыслями. «У меня в программе есть глава “Требования современной режиссуры к устройству и оборудованию современной сцены”. Ты понимаешь, что без твоих хотя бы схематических мыслей по этому поводу глава эта будет мертворожденной. Мне не только нужно описание всего существующего так называемого современным⁶, по оборудованию и технике, мне важно говорить о новых заданиях таких людей как ты», — писал он Мейерхольду [XXV, л. 4 — 4 об.]. С похожей просьбой Экскузович обратился и к В. И. Немировичу-Данченко, но тот ответил 13 марта 1929 г., что хотя и «очень заинтересован» книгой, но, ввиду перегрузки работой, не сможет уделить ей времени [LVII, л. 1] (ответ Мейерхольда найти не удалось). Зато Луначарский, которому Экскузович в нескольких письмах рассказывал о своей работе, согласился (после ряда напоминаний) написать к ней предисловие, попросив автора прислать краткий конспект содержания книги [XXII, л. 9 — 11 об., 35 — 38 об.].

Монография Экскузовича «Техника театральной сцены в прошлом и настоящем» вышла в 1930 г. в ленинградском издательстве «Прибой». Луначарский, к тому времени уже покинувший должность наркома просвещения, в предисловии назвал автора «известным театральным деятелем и превосходным театральным техником» и отметил, что если в советском театре «на идеологические программы обращено довольно большое влияние», то «в отношении технического мы чрезвычайно слабы». Потому и нужно специальное исследование, которым делается «первый и чрезвычайно ценный вклад в науку о театральной технике и в театрально-техническую практику» [19, с. 5–6]. «Ценнейшим вкладом в литературу о театральной технике» назвал книгу и сторонний рецензент, обративший внимание читателей на ее новизну: «До сих пор на русском языке не было книг, посвященных театральной сцене, и только большая, с любовью сделанная, компетентная работа Экскузовича восполняет этот пробел» [20]. В книге, состоявшей из шести основных глав и двух приложений («О клубных и деревенских театрах» и «Об устройстве и содержании помещений для собраний»), давался исторический обзор (начиная с античной Греции) зарождения театральной сцены и ее технического оборудования, рассматривались конструктивные устройства старой (с XV в.) и современной автору сцены, ее светооборудование, разнообразные оптические эффекты и, наконец, противопожарные устройства. «Техника театральной сцены» была снабжена большим количеством фотографий (вероятно, сделанных автором во время зарубежных командировок в 1920-х годах) и чертежей, а также библиографией, включавшей работы на русском, английском, французском и немецком языках.

---

⁶ Так в тексте.

Увидевшая свет книга должна была стать лишь первым томом задуманного Экскузовичем труда. Над вторым томом под названием «Техника театральной сцены в будущем» (о намерении издать его говорилось в авторском вступлении [21, с. 8]) бывший управляющий театрами работал, как он сообщал Луначарскому в письме от 6 августа 1931 г., «очень медленно». Кроме того, Экскузович накопил большой практический материал о сценах советских театров («в течение истекшего года я проделал огромную работу по проектированию устройства и электротехнического и механического оборудования театральных сцен: 2 варианта для Харькова, 2 варианта для Ростова, для Запорожья, Архангельска и пр.»). Все это ему хотелось «систематизировать в специальную книгу и издать, независимо от переиздания выпущенной мной уже книги (которую я хочу дополнить и исправить)». Экскузович интересовался у Луначарского, не заинтересуется ли его материалом «одно из руководимых Вами издательств» [LVIII, л. 2–3]. К сожалению, ни второй том исследования о театральной сцене, ни сборник инженерных работ Экскузовича для провинциальных театров по невыясненным причинам так и не увидели свет.

В 1930-е годы И. В. Экскузович служил в различных ленинградских организациях. 1 января 1931 г., продолжая работать в отделе коммунального хозяйства (к тому времени уже не городском, а областном), он был назначен «ответственным исполнителем» по вопросам строительства «гражданских сооружений, садов и парков» и планировке города. В декабре 1931 г. он был переведен на работу в Горплан (инженером коммунальной секции), а в апреле 1932 г. назначен главным инженером Управления строительства Центрального парка культуры и отдыха. На этом посту несколько раз награждался, например в феврале 1933 г. — «ценным подарком» (портсигаром) за «ударную работу» по строительству 1-й очереди ЦПКиО в Ленинграде. В мае 1933 г. Экскузович стал главным инженером Управления дворцами и парками Ленсовета [XXXV, л. 9 об. — 11 об.]. Работа над ЦПКиО занимала у него много времени: Экскузович делал доклады по этому вопросу президиуму Ленсовета [LIX, л. 2–3], в письмах знакомым (например, 28 октября 1934 г. скульптору В. В. Козлову) упоминал о «гигантских проблемах», с которыми сталкивались создатели парка [V, л. 36]. Помимо основной службы, он занимался, как специалист по техническому оборудованию театральной сцены, многочисленными вопросами в этой области: с декабря 1929 г. был привлечен Всесоюзным трестом оптико-механической промышленности к организации производства в СССР осветительной и оптической театральной аппаратуры, в Клубе имени М. И. Калинина при облоткомхозе (располагался в бывшем здании Министерства народного просвещения на Чернышевой площади) заведовал строительными работами и участвовал в постановочной части спектаклей драматического кружка. Также он принимал участие («по строительству») и в деятельности Театра рабочей молодежи [XXXVII, л. 6, 29].

Не порывалась и связь с академическими театрами. Конечно, после отставки Экскузович получал значительно меньше писем от артистов, однако не все забыли о своем прежнем начальнике. Так, 26 февраля 1934 г. ему написал письмо знаменитый певец П. З. Андреев, благодаривший Ивана Васильевича за хлопоты по присуждению Андрееву звания народного артиста РСФСР: «...я знаю, что ты искренно содействовал мне (чего не могу сказать о нашей администрации). Хорошо было бы поговорить с тобой “по душе” и я надеюсь в скором времени увидеть тебя и милую Розалию Григорьевну у себя». Замечание Андреева о том, что он намере-

вался «навестить тебя в недавний день твоего Ангела и лично обнять и поздравить» [LX, л. 1] (но не смог этого сделать по ряду причин) показывает, что и автор, и, по-видимому, адресат письма продолжали в 1934 г. отмечать именины. Сам Экскузович не забывал поздравлять театральных деятелей со значимыми для них событиями; в архивах сохранились его письма актрисе Е. П. Корчагиной-Александровской (ко дню рождения, от 7 декабря 1934 г. и 7 декабря 1939 г.) [LXI, л. 1; LXII, л. 1], певице Э. Я. Мелодист (от 12 февраля 1936 г., по случаю юбилея «жизни в искусстве») [LXIII, л. 1], телеграмма Немировичу-Данченко (от 29 апреля 1937 г., с поздравлением по случаю «блестящей победы» — постановки на сцене МХАТ «Анны Карениной») [LXIV, л. 1].

С самого начала 1932 г., если не раньше, Экскузович участвовал в подготовке строительства самого грандиозного сооружения, задуманного в СССР — Дворца Советов. 4 января 1932 г. Управление строительством Дворца Советов выдало справку о том, что Экскузович привлечен к работе в Комиссии технической экспертизы по конкурсу на составление проекта Дворца. 24 января того же года уже эта комиссия поручила Экскузовичу «взять на себя руководство» детальной разработкой «сценической части большого и малого зала на предмет проектирования со всеми отсюда возникающими вопросами» [XXXVII, л. 9, 36]. Официальное оформление Экскузовича на работу («по совместительству») по строительству Дворца Советов в качестве специалиста «по сценическому устройству и механизации» состоялось позже, с 1 сентября 1933 г. [XXXV, л. 11 об.]. Проектирование здания продолжалось в течение 1930-х годов [22, с. 77–128], и Экскузович все это время трудился над планировкой театральной части Дворца, изложив некоторые итоги своей работы в отдельной статье [23].

Во второй половине 1930-х годов Экскузовича начало подводить здоровье. 25 марта 1936 г. он был по собственному желанию освобожден от работы в Управлении дворцами и парками Ленсовета в связи с болезнью, требующей «продолжительного отдыха и лечения» [XXXV, л. 11 об.]. Уход с должности главного инженера резко ухудшил материальное положение Экскузовича, которому в итоге решили помочь старые друзья из сценического мира. В декабре 1940 г. группа из девяти народных артистов РСФСР и СССР (актеры Е. П. Корчагина-Александровская, Н. К. Черкасов, А. А. Остужев, Ю. М. Юрьев, А. А. Яблочкина, певцы П. М. Журавленко, И. С. Козловский и Н. К. Печковский и дирижер С. А. Самосуд) подписала коллективное письмо, в котором, перечислив заслуги Экскузовича и по управлению театрами, и по строительной части, ходатайствовала о назначении ему персональной пенсии [LXV, л. 1–2]. Судя по отсутствию упоминаний о статусе персонального пенсионера в составленной Горской «Хронике жизни и деятельности И. В. Экскузовича» (остальные награды там скрупулезно перечислены), пенсию так и не назначили (возможно, помешала война) [XIV, л. 1–3].

После ухода со службы в Управлении дворцами и парками единственной работой Экскузовича осталось проектирование театральных сцен для залов Дворца Советов. 12 мая 1941 г. уже тяжело больной зодчий получил письмо от Управления строительством Дворца Советов, подписанное главным архитектором здания Б. М. Иофаном и заместителем начальника строительства по инженерной части Г. Б. Красиным. Иофан и Красин выражали Экскузовичу «свое глубокое сочувствие по случаю постигшей Вас длительной, тяжелой болезни», «с удовлетворением» кон-

статируя, что, «несмотря на вынужденный переход по временам на инвалидное положение, Вы все же с исключительным упорством продолжаете выполнять лежащие на Вас исполняемые работы по организации сценической части Дворца Советов. Более того, за самое последнее время Вами выполнена также весьма ответственная работа по установлению основных принципов будущей эксплуатации Дворца Советов». Отметив «исключительно плодотворную» работу Экскузовича в Управлении строительства, его «авторскую инициативу и целый ряд оригинальных решений в проектировании сценических устройств большого и малого зала Дворца Советов», Иофан и Красин просили принять искреннее пожелание скорейшего выздоровления [LXVI, л. 1 — 1 об.]. Письмо, содержащее в себе и дружеское ободрение со стороны коллег, и признание профессиональных заслуг, несомненно было приятно получить и прочесть адресату, которому оставалось жить чуть более года.

После начала войны Экскузович оставался в Ленинграде и пережил страшную блокадную зиму 1941–1942 гг., окончательно подорвавшую силы больного человека. 11 июня 1942 г. бывший управляющий академическими театрами скончался в Ленинграде от туберкулеза [XIV, л. 2 об.]. Он был похоронен на Смоленском православном кладбище. Его могила (общее надгробие со скончавшейся в 1984 г. Горской и ее родителями), расположенная буквально в нескольких шагах от Воскресенской церкви, сохранилась до сих пор.

Экскузович получил образование и начал профессиональную деятельность зодчего в период небывалого строительного бума, охватившего имперскую столицу в начале XX в. Несмотря на несколько воплощенных проектов в Петербурге, выдвинуться в первые ряды архитекторов ему не удалось. Возможно, определенную роль в этом сыграло увлечение театром, отнимавшее время от строительных работ — зато оно способствовало обретению Экскузовичем интересных и важных знакомств в сценическом мире. Не случись революции, он, скорее всего, остался бы одним из более-менее обеспеченных театралов, поклонников императорской оперы и мужей артисток — но в хаосе конца 1917 г. «кружок Экскузовича» довольно неожиданно выдвинул практически неизвестного артистам (за исключением труппы Мариинского театра) гражданского инженера на административную работу в театрах. И эта работа, продолжавшаяся более десяти лет, стала главным делом жизни Экскузовича — по отзывам многих современников, оказавшегося прекрасным и просвещенным руководителем, достойным преемником великого директора императорских театров В. А. Теляковского (в бывшем кабинете которого в наше время висит, среди прочих картин, и портрет Экскузовича, написанный А. Я. Головиным).

Он ценил и оберегал наследие старого театра; для спасения лучших из дореволюционных трупп способствовал получению ими особого, «академического» статуса. Приняв сторону большевиков в 1917 г., Экскузович честно служил при этом правительстве, уклоняясь, однако, от вступления в коммунистическую партию. Беспартийный статус к концу 1920-х годов сделал его уязвимой мишенью для тех, кто желал смены руководства в сценическом мире. Хотя он продолжал пользоваться доверием и дружеским расположением наркома просвещения Луначарского, но ослабление аппаратных позиций самого наркома после образования в 1928 г. Главискусства во главе со Свицерским сделало для Экскузовича невозможным продолжение работы на руководящем посту. Он, кажется, без особого сожаления растался тогда с директорским кабинетом, будучи увлечен написанием своего фунда-

ментального труда о технике театральной сцены. Эта монография, архитектурные проекты (включая не только дореволюционные постройки, но и малоизвестные работы по оборудованию театров Советского Союза в 1920-х годах, и труды над театральной частью Дворца Советов) и, конечно, осуществлявшиеся под его руководством преобразования в академических театрах составляют наследие Экскузовича в научной и художественной сфере, а также в области управления культурными институтами.

Литература

1. Иванов, Владислав, и Александр Чепуров, публ., вступ. текст и примеч. “Туда и обратно: Письма Евгения Студенцова Юрию Ракитину. 1929–1930”. В изд. *Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века*, ред.-сост. Владислав Иванов, 302–10. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2004, вып. 3.
2. Левик, Сергей. *Четверть века в опере*. М.: Искусство, 1970.
3. Беспалов, Василий. *Театры в дни революции 1917*. Л.: Academia, 1927.
4. Боголюбов, Николай. *Шестьдесят лет в оперном театре. Воспоминания режиссера*. М.: Всероссийское театральное общество, 1967.
5. С. Б. [Бурмистренко, Сергей]. “Кропивницкий, Марк Лукич”. В изд. *Театральная энциклопедия*, гл. ред. Павел Марков, т. 3: 281. М.: Советская энциклопедия, 1964.
6. Ж. Щ. “Архитектурные работы студентов. 1909 г. Выпуск IV. Издание Института гражданских инженеров Императора Николая I-го. Цена 5 рублей”. *Зодчий*, no. 15 (1910): 170–1.
7. “Правительственные распоряжения”. *Зодчий*, no. 14 (1912): 142–3.
8. “Правительственные распоряжения”. *Зодчий*, no. 48 (1913): 503–4.
9. Финдейзен, Николай. *Павловский музыкальный вокзал. Исторический очерк (к 75-му музыкальному сезону). 1838–1912 гг.* СПб.: Управление Петербургской сети Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, 1912.
10. Кириков, Борис, ред. *Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. Справочник*. СПб.: Пилигрим, 1996.
11. Трубинов, Юрий. “Особняк Половцова на Каменном острове. История застройки участка”. *Реликвия*, no. 31 (2014): 50–3.
12. Исаченко, Валерий, и Василий Питанин. *Литейный проспект*. Л.: Лениздат, 1989.
13. *Художественно-иллюстрированный исторический альбом состоящей под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Царскосельской юбилейной выставки 1911 г.* СПб.: Изд. Б. Н. Клебанова, 1911.
14. Мещанинов, Михаил. “Таицкие храмы”. *Санкт-Петербургские епархиальные ведомости*, no. 30–31 (2002): 195–203.
15. Розанов, Юрий. “Фольклорист и театральный деятель Владимир Бакрылов: страницы биографии”. *Вестник Вологодского государственного университета. Гуманитарные, общественные, педагогические науки*, no. 3 (2018): 32–6.
16. “Страничка из истории борьбы Академических театров за свое существование”. *Еженедельник петроградских государственных академических театров*, no. 8 (1922): 55–6.
17. Брачев, Виктор. *Масоны у власти*. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.
18. Иванов, Владислав, публ., вступ. статья и коммент. “‘У Мейерхольда волчьи глаза’, или ‘Органы порядка — остановитесь’. Выступление В. Н. Яхонтова в защиту ГосТиМа (1928)”. *Вопросы театра*, no. 1–2 (2020): 316–39.
19. Луначарский, Анатолий. “Предисловие”. В изд. Экскузович, Иван. *Техника театральной сцены в прошлом и настоящем*, 1–6. Л.: Прибой, 1930.
20. Донатти, Адольф. “И. В. Экскузович. Техника театральной сцены в прошлом и настоящем”. *Работис*, no. 28 (1930): 19.
21. Экскузович, Иван. *Техника театральной сцены в прошлом и настоящем*. Л.: Прибой, 1930.
22. Хмельницкий, Дмитрий. *Архитектура Сталина. Психология и стиль*. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
23. Экскузович, Иван. “Театральная часть Дворца Советов”. *Дворец Советов*, no. 70 (1938): 3.

Источники

- I. СП6О СТД РФ. Ед. хр. 35–Р2.
- II. ГА РФ. Ф. А–259. Оп. 11 б. Ед. хр. 5116.
- III. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Ед. хр. 4011.
- IV. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–260. Оп. 3. Ед. хр. 3992.
- V. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–118. Оп. 1. Ед. хр. 3338.
- VI. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Ед. хр. 585.
- VII. ЦГА СПб. Ф. Р–3178. Оп. 27. Ед. хр. 57.
- VIII. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Ед. хр. 4012.
- IX. *Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. с дополнениями по продолжению 1895 г., с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената.* СПб.: Гос. тип., 1902.
- X. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Ед. хр. 1451.
- XI. ЦГИА СПб. Ф. 1361. Оп. 3. Ед. хр. 14605.
- XII. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Ед. хр. 110.
- XIII. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Ед. хр. 1051.
- XIV. РГАЛИ. Ф. 2630. Оп. 1. Ед. хр. 8.
- XV. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Ед. хр. 9638.
- XVI. РГИА. Ф. 796. Оп. 197. Отд. IV. Ст. 1. Ед. хр. 308.
- XVII. РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Ед. хр. 250.
- XVIII. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Ед. хр. 3019.
- XIX. СПбГМТумИ. Ф. 2. ГИК 16600/33.
- XX. СПбГМТумИ. Ф. 2. ГИК 16600/31.
- XXI. СПбГМТумИ. Ф. 216. ГИК 3632/391/63.
- XXII. РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 522.
- XXIII. РГАЛИ. Ф. 2342. Оп. 1. Ед. хр. 398.
- XXIV. СП6О СТД РФ. Ед. хр. 1472–Р.
- XXV. РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2656.
- XXVI. РНММ. Ф. 248. Ед. хр. 849.
- XXVII. РНММ. Ф. 248. Ед. хр. 842.
- XXVIII. ЦГА СПб. Ф. Р–80. Оп. 1. Ед. хр. 5660.
- XXIX. ЦГА СПб. Ф. Р–80. Оп. 1. Ед. хр. 5661.
- XXX. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–260. Оп. 1. Ед. хр. 26.
- XXXI. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–260. Оп. 1. Ед. хр. 14.
- XXXII. РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Ед. хр. 668.
- XXXIII. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–260. Оп. 1. Ед. хр. 17.
- XXXIV. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–260. Оп. 1. Ед. хр. 18.
- XXXV. РГАЛИ. Ф. 2630. Оп. 1. Ед. хр. 2.
- XXXVI. ЦГА СПб. Ф. Р–2139. Оп. 11. Ед. хр. 1737.
- XXXVII. СПбГМТумИ. Ф. 2. КП 6688/199.
- XXXVIII. РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 521.
- XXXIX. РГАЛИ. Ф. 2630. Оп. 1. Ед. хр. 3.
- XL. СПбГМТумИ. Ф. 2. ГИК 16600/28.
- XLI. РНММ. Ф. 154. Ед. хр. 2.
- XLII. СПбГМТумИ. Ф. 7. ГИК 16746/23.
- XLIII. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–414. Оп. 2. Ед. хр. 963.
- XLIV. РНММ. Ф. 154. Ед. хр. 12.
- XLV. ОРУРК СПбГТБ. Ф. 1. Оп. Р 1. Ед. хр. 1348.
- XLVI. ОР РНБ. Ф. 187. Ед. хр. 1151.
- XLVII. СПбГМТумИ. Ф. 81. ГИК 15752/170.
- XLVIII. РГАЛИ. Ф. 2956. Оп. 1. Ед. хр. 92.
- XLIX. ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 69. Ед. хр. 3400.
- L. ОРУРК СПбГТБ. Ф. 1. Оп. Р 1. Ед. хр. 1272.
- LI. СПбГМТумИ. Ф. 61. КП 7198/158.
- LII. ЦГА СПб. Ф. Р–6143. Оп. 3. Ед. хр. 348.
- LIII. СПбГМТумИ. Ф. 2. ГИК 16600/21.

- LIV. СПбГМТУМИ. Ф. 2. ГИК 16600/25.
- LV. СПбГМТУМИ. Ф. 2. ГИК 16600/27.
- LVI. СПбГМТУМИ. Ф. 2. ГИК 16600/30.
- LVII. Музей МХАТ. Н.-Д. Ед. хр. 2056.
- LVIII. РГАЛИ. Ф. 279. Он. 2. Ед. хр. 512.
- LIX. РГАЛИ. Ф. 2413. Он. 1. Ед. хр. 745.
- LX. РНММ. Ф. 154. Ед. хр. 11.
- LXI. СПбГМТУМИ. Ф. 235. ГИК 14983/111.
- LXII. СПбГМТУМИ. Ф. 235. ГИК 14983/112.
- LXIII. РГАЛИ. Ф. 2616. Он. 1. Ед. хр. 395.
- LXIV. Музей МХАТ. Н.-Д. Ед. хр. 6365.
- LXV. СПбГМТУМИ. Ф. 2. ГИК 16600/29.
- LXVI. РГАЛИ. Ф. 2630. Он. 1. Ед. хр. 5.

Статья поступила в редакцию 9 марта 2022 г.;
рекомендована к печати 3 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Гордеев Пётр Николаевич — д-р ист. наук, ст. науч. сотр.; petergordeev@mail.ru

Ivan Vasilyevich Ekskuzovich — Architect and Theater Figure

P. N. Gordeev

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moyki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Gordeev, Petr. "Ivan Vasilyevich Ekskuzovich — Architect and Theater Figure". *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 14, no. 1 (2024): 34–59. <https://doi.org/10.21638/spbu15.2024.103> (In Russian)

For the first time the article gives a biographical study of the major theatrical figure and St Petersburg architect I. V. Ekskuzovich. Having graduated from the Institute of Civil Engineers in his youth, he has built several buildings in the capital of the Russian Empire, but his lifework was the management of academic theaters in Leningrad and Moscow. In this article there was first established the existence of the "Ekskuzovich coterie" in 1917, which also included V. E. Meyerhold, conductor N. A. Malko and a certain number of the artists of the Mariinsky Theatre; the role of the coterie in the nomination of Ekskuzovich to the post of the head of the theater department at the end of 1917. The article summarizes the extensive material related to his administrative activities in theaters: the role of Ekskuzovich in the creation of the association of academic theaters, his official and personal correspondence with artists and the People's Commissar of Education A. V. Lunacharsky. Based on the reviews of memoirists, private correspondence of artists and a number of anniversary addresses, a conclusion is made about the significant popularity of Ekskuzovich in the artistic environment. It is emphasized that the resignation of Ekskuzovich in 1928 took place against the will of Lunacharsky, who lost by the end of the 1920s his real power in the People's Commissariat for Education. The activity of Ekskuzovich as a theorist and practitioner in mechanization of the theater stage, as well as one of the leading engineers in the park management of Leningrad in the 1930s, is also traced. The monograph "The Theater Stage in the Past and Present" published by him in 1930, Ekskuzovich's work on the continuation of this research, as well as his work on equipping the stages of Soviet theaters, including the work on the theatrical part of the Palace of Soviets, are considered. The article is based mainly on archival data; materials used 13 archives and manuscript departments of museums and libraries.

Keywords: I. V. Ekskuzovich, A. V. Lunacharsky, V. E. Meyerhold, Soviet theater, Russian theater, architecture of St Petersburg, Palace of Soviets.

References

1. Ivanov, Vladislav, and Aleksandr Chepurov, publ. and comment. "There and back: Letters from Evgeny Studentsov to Yuri Rakitin. 1929–1930". In *Mnemozina. Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka*, ed. and comp. by Vladislav Ivanov, 302–10. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr Publ., 2004, iss. 3. (In Russian)
2. Levik, Sergei. *A quarter of a century in Opera*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. (In Russian)
3. Bezpalov, Vasilii. *Theaters in the days of the revolution of 1917*. Leningrad: Academia Publ., 1927. (In Russian)
4. Bogoliubov, Nikolai. *Sixty years at the Opera house. Director's Memoirs*. Moscow: Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1967. (In Russian)
5. S. B. [Burmistrenko, Sergei]. "Kropivnitsky, Mark Lukich". In *Teatral'naiia entsiklopediia*, ed. by Pavel Markov, vol. 3: 281. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1964. (In Russian)
6. Zh. Shh. "Architectural work of students. 1909. Issue IV. Edition of the Institute of Civil Engineers of Emperor Nicholas I. Price 5 rubles". *Zodchii*, no. 15 (1910): 170–1. (In Russian)
7. "Government orders". *Zodchii*, no. 14 (1912): 142–3. (In Russian)
8. "Government orders". *Zodchii*, no. 48 (1913): 503–4. (In Russian)
9. Findeizen, Nikolai. *Pavlovsk musical station. Historical sketch (for the 75th musical season). 1838–1912*. St Petersburg: Upravlenie Peterburgskoi seti Moskovsko-Vindavo-Rybinskoi zheleznoi dorogi Publ., 1912. (In Russian)
10. Kirikov, Boris, ed. *Architects-builders of St Petersburg in the middle of the 19th — early 20th centuries. Directory*. St Petersburg: Pilgrim Publ., 1996. (In Russian)
11. Trubinov, Iurii. "Polovtsov's mansion on Kamenny Island. History of the Land development". *Relikviia*, no. 31 (2014): 50–3. (In Russian)
12. Isachenko, Valerii, and Vasilii Pitanin. *Liteinyi Prospekt*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989. (In Russian)
13. *Artistically illustrated, historical album of Tsarskoye Selo Jubilee Exhibition of 1911, consisting under His Imperial Majesty's Highest patronage*. St Petersburg: B. N. Klebanov Publ., 1911. (In Russian)
14. Meshhaninov, Mihail. "The temples of Taitsy". *Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 30–31 (2002): 195–203. (In Russian)
15. Rozanov, Iurii. "Folklor Studies and Theatrical Activity of Vladimir Bakrylov: Pages of Biography". *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*, no. 3 (2018): 32–6. (In Russian)
16. "A page from the history of the struggle of Academic theaters for their existence". *Ezhenedel'nik petrogradskikh gosudarstvennykh akademicheskikh teatrov*, no. 8 (1922): 55–6. (In Russian)
17. Brachev, Viktor. *Masons in power*. Moscow: Algoritm Publ.; Eksmo Publ., 2006. (In Russian)
18. Ivanov, Vladislav, publ. and comment. "Meyerhold has wolf eyes", or 'Law enforcement agency — stop'. Speech by V. N. Yakhontov in defense of GosTiM (1928)". *Voprosy teatra*, no. 1–2 (2020): 316–39. (In Russian)
19. Lunacharskii, Anatoly. "Preface". In Ekskuzovich, Ivan. *Tekhnika teatral'noi stseny v proshlom i nastoiashchem*, 1–6. Leningrad: Priboi Publ., 1930. (In Russian)
20. Donatti, Adolf. "I. V. Ekskuzovich. Theatrical stage technique in the past and present". *Rabis*, no. 28 (1930): 19. (In Russian)
21. Ekskuzovich, Ivan. *Theatrical stage technique in the past and present*. Leningrad: Priboi Publ., 1930. (In Russian)
22. Khmel'nitskii, Dmitrii. *Stalin's architecture. Psychology and style*. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2007. (In Russian)
23. Ekskuzovich, Ivan. "Theatrical part of the Palace of Soviets". *Dvorets Sovetov*, no. 70 (1938): 3. (In Russian)

Sources

- I. *Archive SPbO STD RF. Ed. khr. 35–R2 [Archive of the St Petersburg branch of the Union of Theater Workers of the Russian Federation. Record 35–R2]*. (In Russian)
- II. *GA RF. F. A–259 Op. 11 b. Ed. khr. 5116 [State Archive of the Russian Federation. Stock A–259. Inventory 11 b. Record 5116]*. (In Russian)

- III. TsGIA SPb. F. 184 Op. 3. Ed. khr. 4011 [Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 184. Inventory 3. Record 4011]. (In Russian)
- IV. TsGALI SPb. F. R–260 Op. 3. Ed. khr. 3992 [Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg. Stock R–260. Inventory 3. Record 3992]. (In Russian)
- V. TsGALI SPb. F. R–118 Op. 1. Ed. khr. 3338 [Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg. Stock R–118. Inventory 1. Record 3338]. (In Russian)
- VI. RGIA. F. 1343 Op. 51. Ed. khr. 585 [Russian State Historical Archive. Stock 1343. Inventory 51. Record 585]. (In Russian)
- VII. TsGA SPb. F. R–3178 Op. 27. Ed. khr. 57 [Central State Archive of St Petersburg. Stock R–3178. Inventory 27. Record 57]. (In Russian)
- VIII. TsGIA SPb. F. 184 Op. 3. Ed. khr. 4012 [Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 184. Inventory 3. Record 4012]. (In Russian)
- IX. *Ustav o nakazaniiax, nalagaemykh mirovymi sud'iami. Izdanie 1885 g. s dopolneniiami po prodolzheniiu 1895 g., s prilozheniem motivov i izvlechenii iz reshenii kassatsionnykh departamentov Senata* [The Regulations about the punishments imposed by justices of the peace. Edition of 1885 with additions to the continuation of 1895, with the application of motives and extracts from the decisions of the cassation departments of the Senate]. St Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1902. (In Russian)
- X. TsGIA SPb. F. 19 Op. 127. Ed. khr. 1451 [Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 19. Inventory 127. Record 1451]. (In Russian)
- XI. TsGIA SPb. F. 1361 Op. 3. Ed. khr. 14605 [Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 1361. Inventory 3. Record 14605]. (In Russian)
- XII. TsGIA SPb. F. 184 Op. 3. Ed. khr. 110 [Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 184. Inventory 3. Record 110]. (In Russian)
- XIII. TsGIA SPb. F. 513 Op. 102. Ed. khr. 1051 [Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 513. Inventory 102. Record 1051]. (In Russian)
- XIV. RGALI. F. 2630 Op. 1. Ed. khr. 8 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 2630. Inventory 1. Record 8]. (In Russian)
- XV. TsGIA SPb. F. 513 Op. 102. Ed. khr. 9638 [Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 513. Inventory 102. Record 9638]. (In Russian)
- XVI. RGIA. F. 796 Op. 197. Otd. IV. St. 1. Ed. khr. 308 [Russian State Historical Archive. Stock 796. Inventory 197. Part IV. Item 1. Record 308]. (In Russian)
- XVII. RGALI. F. 659 Op. 3. Ed. khr. 250 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 659. Inventory 3. Record 250]. (In Russian)
- XVIII. TsGIA SPb. F. 19 Op. 127. Ed. khr. 3019 [Central State Historical Archive of St Petersburg. Stock 19. Inventory 127. Record 3019]. (In Russian)
- XIX. SPbGMTiMI. F. 2. GIK 16600/33 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 16600/33]. (In Russian)
- XX. SPbGMTiMI. F. 2. GIK 16600/31 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 16600/31]. (In Russian)
- XXI. SPbGMTiMI. F. 216. GIK 3632/391/63 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 216. Record 3632/391/63]. (In Russian)
- XXII. RGASPI. F. 142 Op. 1. Ed. khr. 522 [Russian State Archive of Socio-Political History. Stock 142. Inventory 1. Record 522]. (In Russian)
- XXIII. RGALI. F. 2342 Op. 1. Ed. khr. 398 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 2342. Inventory 1. Record 398]. (In Russian)
- XXIV. *Arhive SPbO STD RF. Ed. khr. 1472–R* [Archive of the St Petersburg branch of the Union of Theater Workers of the Russian Federation. Record 1472–R]. (In Russian)
- XXV. RGALI. F. 998 Op. 1. Ed. khr. 2656 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 998. Inventory 1. Record 2656]. (In Russian)
- XXVI. RNMM. F. 248. Ed. khr. 849 [Russian National Museum of Music. Stock 248. Record 849]. (In Russian)
- XXVII. RNMM. F. 248. Ed. khr. 842 [Russian National Museum of Music. Stock 248. Record 842]. (In Russian)
- XXVIII. TsGA SPb. F. R–80 Op. 1. Ed. khr. 5660 [Central State Archive of St Petersburg. Stock R–80. Inventory 1. Record 5660]. (In Russian)

- XXIX. TsGA SPb. F. R–80 Op. 1. Ed. khr. 5661 [Central State Archive of St Petersburg. Stock R–80. Inventory 1. Record 5661]. (In Russian)
- XXX. TsGALI SPb. F. R–260 Op. 1. Ed. khr. 26 [Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg. Stock R–260. Inventory 1. Record 26]. (In Russian)
- XXXI. TsGALI SPb. F. R–260 Op. 1. Ed. khr. 14 [Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg. Stock R–260. Inventory 1. Record 14]. (In Russian)
- XXXII. RGIA. F. 497 Op. 13. Ed. khr. 668 [Russian State Historical Archive. Stock 497. Inventory 13. Record 668]. (In Russian)
- XXXIII. TsGALI SPb. F. R–260 Op. 1. Ed. khr. 17 [Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg. Stock R–260. Inventory 1. Record 17]. (In Russian)
- XXXIV. TsGALI SPb. F. R–260 Op. 1. Ed. khr. 18 [Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg. Stock R–260. Inventory 1. Record 18]. (In Russian)
- XXXV. RGALI. F. 2630 Op. 1. Ed. khr. 2 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 2630. Inventory 1. Record 2]. (In Russian)
- XXXVI. TsGA SPb. F. R–2139 Op. 11. Ed. khr. 1737 [Central State Archive of St Petersburg. Stock R–2139. Inventory 11. Record 1737]. (In Russian)
- XXXVII. SPbGMTiMI. F. 2. KP 6688/199 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 6688/199]. (In Russian)
- XXXVIII. RGASPI. F. 142 Op. 1. Ed. khr. 521 [Russian State Archive of Socio-Political History. Stock 142. Inventory 1. Record 521]. (In Russian)
- XXXIX. RGALI. F. 2630 Op. 1. Ed. khr. 3 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 2630. Inventory 1. Record 3]. (In Russian)
- XL. SPbGMTiMI. F. 2. GIK 16600/28 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 16600/28]. (In Russian)
- XLI. RNMM. F. 154. Ed. khr. 2 [Russian National Museum of Music. Stock 154. Record 2]. (In Russian)
- XLII. SPbGMTiMI. F. 7. GIK 16746/23 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 7. Record 16746/23]. (In Russian)
- XLIII. TsGALI SPb. F. R–414 Op. 2. Ed. khr. 963 [Central State Archive of Literature and Art of St Petersburg. Stock R–414. Inventory 2. Record 963]. (In Russian)
- XLIV. RNMM. F. 154. Ed. khr. 12 [Russian National Museum of Music. Stock 154. Record 12]. (In Russian)
- XLV. ORiRK SPbGTB. F. 1 Op. R 1. Ed. khr. 1348 [Department of Manuscripts and Rare Books of the St Petersburg State Theater Library. Stock 1. Inventory R 1. Record 1348]. (In Russian)
- XLVI. OR RNB. F. 187. Ed. khr. 1151 [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. (In Russian)
- XLVII. SPbGMTiMI. F. 81. GIK 15752/170 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 81. Record 15752/170]. (In Russian)
- XLVIII. RGALI. F. 2956 Op. 1. Ed. khr. 92 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 2956. Inventory 1. Record 92]. (In Russian)
- XLIX. GA RF. F. A–2306 Op. 69. Ed. khr. 3400 [State Archive of the Russian Federation. Stock A–2306. Inventory 69. Record 3400]. (In Russian)
- L. ORiRK SPbGTB. F. 1 Op. R 1. Ed. khr. 1272 [Department of Manuscripts and Rare Books of the St Petersburg State Theater Library. Stock 1. Inventory R 1. Record 1272]. (In Russian)
- LI. SPbGMTiMI. F. 61. KP 7198/158 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 61. Record 7198/158]. (In Russian)
- LII. TsGA SPb. F. R–6143 Op. 3. Ed. khr. 348 [Central State Archive of St Petersburg. Stock R–6143. Inventory 3. Record 348]. (In Russian)
- LIII. SPbGMTiMI. F. 2. GIK 16600/21 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 16600/21]. (In Russian)
- LIV. SPbGMTiMI. F. 2. GIK 16600/25 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 16600/25]. (In Russian)
- LV. SPbGMTiMI. F. 2. GIK 16600/27 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 16600/27]. (In Russian)
- LVI. SPbGMTiMI. F. 2. GIK 16600/30 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 16600/30]. (In Russian)
- LVII. Muzej MHAT. N.–D. Ed. khr. 2056 [Moscow Art Theater Museum. Stock N.–D. Record 2056]. (In Russian)

- LVIII. *RGALI. F. 279 Op. 2. Ed. khr. 512 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 279. Inventory 2. Record 512]. (In Russian)*
- LIX. *RGALI. F. 2413 Op. 1. Ed. khr. 745 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 2413. Inventory 1. Record 745]. (In Russian)*
- LX. *RNMM. F. 154. Ed. khr. 11 [Russian National Museum of Music. Stock 154. Record 11]. (In Russian)*
- LXI. *SPbGMTiMI. F. 235. GIK 14983/111 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 235. Record 14983/111]. (In Russian)*
- LXII. *SPbGMTiMI. F. 235. GIK 14983/112 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 235. Record 14983/112]. (In Russian)*
- LXIII. *RGALI. F. 2616 Op. 1. Ed. khr. 395 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 2616. Inventory 1. Record 395]. (In Russian)*
- LXIV. *Muzej MHAT. N.-D. Ed. khr. 6365 [Moscow Art Theater Museum. Stock N.-D. Record 6365]. (In Russian)*
- LXV. *SPbGMTiMI. F. 2. GIK 16600/29 [St. Petersburg State Museum of Theatre and Music. Stock 2. Record 16600/29]. (In Russian)*
- LXVI. *RGALI. F. 2630 Op. 1. Ed. khr. 5 [Russian State Archive of Literature and Art. Stock 2630. Inventory 1. Record 5]. (In Russian)*

Received: March 9, 2022
Accepted: November 3, 2023

Author's information:

Petr N. Gordeev — Dr. Sci. in History, Senior Researcher; petergordeev@mail.ru